

МИФОМОТИВЫ КАК ОСНОВА СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О КАВКАЗЕ

Казиева Альмира Магомедовна, доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

Плисс Анна Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель частной школы, Республика Кипр, г. Никосия.

Произведения авторов литературных произведений включают в себя совокупность элементов, среди которых можно отметить такие, как мышление, память на уровне архетипов, авторское бессознательное. Данные элементы определяют стилистику того или иного писателя, его собственный почерк, по которому он становится узнаваемым. Читатель получает в результате точку зрения и мысли самого автора, который, несомненно, задаёт вектор мышления в произведении. Видение автора частично отражает реальность, которую читатель дополняет посредством интерпретации смысловых элементов (в данном случае мотивов). Память на уровне архетипов, принимая новые сложные формы, присутствует и обнаруживается читателем и критиком в каждом литературном произведении.

Ключевые слова: мотив, художественное произведение, интерпретация смыслов, архетип, миф, мифопоэтика, авторское бессознательное, «кавказский текст»

MYTHOMOTIVES AS A BASIS FOR SEMIOTIC INFRASTRUCTURE OF WORKS OF THE CAUCASUS

Kazieva Almira M., Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, 357532, Pyatigorsk, 9 Kalinin Ave., e-mail: kazieva@pgu.ru.

Pliss Anna A., Candidate of Philology, Lecturer at a private school, Nicosia, Republic of Cyprus, e-mail: k_mika@mail.ru.

The works of authors of literary works include a set of elements, among which we can mention such as thinking, memory at the level of archetypes, the author's unconscious. These elements determine the style of a writer, his own handwriting, by which he becomes recognizable. The reader receives as a result the point of view and thoughts of the author himself, who, undoubtedly, sets the vector of thinking in the work. The author's vision partially reflects the reality, the existing reality, which must be supplemented by the reader through the interpretation of semantic elements, motives, in this case. Memory at the level of archetypes, taking new complex forms, is present and is found by the reader and critic in every literary work.

Keywords: motive in a work of art, interpretation of meanings, archetype, myth, mythopoetics, author's unconscious, "Caucasian text"

Миф, символ, архетип – данные предметности представляют собой онтологию литературного произведения. Повествование всецело зависит от этих элементов художественного текста, посредством мифов, символов и архетипов порождаются более глубокие уровни понимания текста, сознание читателя здесь самостоятельно развивает знания принципиально нового порядка.

Оказалось необходимым проанализировать обширный фольклорный и мифологический пласт, составляющий основу произведений о Кавказе, так как объектом нашего исследования является «кавказский текст» русской литературы первой половины XIX века, который является более древним, чем «петербургский», «московский» и тем более «пермский» тексты. По мысли В. Щукина, в «кавказском тексте» уже существует комплекс мифологем, «на

основании которого в культуре создаётся устойчивая репутация данного места. Ведь текст, если понимать его так, как определяют Ю. Лотман, Б. Успенский и А. Пятигорский (как раз их дефиницию и использовал в своё время В.Н. Топоров), предполагает наличие материальной выраженности, границ (начала и конца) и, наконец, известной семантической изоморфности» [12, с. 279]. Таким образом, главным доказательством бытия «кавказского текста», в отличие от простого текста, содержащего информацию о Кавказе, является наличие закодированного в особых культурных знаках мира, со своим собственным бытием. На сегодняшний момент отсутствует концепция целостного «кавказского текста», и при кажущейся монолитности он «при более близком рассмотрении оказывается не гомогенным, а распадающимся на несколько самостоятельных текстов "низшего порядка" (например, "армянский" и "грузинский" тексты, на тексты о курортно-эротико-фруктовом Кавказе, на текст об уголовно-криминальном и мятежном Кавказе, о Кавказе как перекрёстке языков и культур и, конечно же, на ждущий своего исследователя текст кавказской диаспоры)» [18, с. 23].

Несмотря на всё это, очевидно, что Кавказ создавал свой миф, прежде всего, благодаря литературе, то есть он «литературогенен» и, следовательно, имеет свой собственный, давно сложившийся «кавказский» архетип. «Это даёт возможность, говоря о "кавказском тексте", с одной стороны, "втянуть" в его орбиту многое из того, что создано в русской литературе от "Повести временных лет" до "Андеграунда, или Героя нашего времени" В. Маканина, то есть включить в его "пространство" художественное содержание, под которым К. Долинин подразумевает изображённые и выраженные писателями идеи, "концепции и смыслы"» [18, с. 23].

Учёные издавна проявляли интерес к мифу, прежде всего с культурной и культурологической стороны, потому как миф, будучи одной из наиболее семантически наполненных категорий, с античных времён интерпретируется в различных аспектах. Семантика мифа неисчерпаема, поскольку регулярно разрастается новыми смыслами и интерпретациями. В этом универсальность категории «миф». Наиболее яркие исторические моменты в истории многих народов отражены в древней мифологии, на основании которых на протяжении долгого времени формировались этические и эстетические основы, ставшими универсалиями для тех или иных этносов.

Также философская парадигма человечества формируется посредством мифов, аккумулируя смысловые явления в рамках пространственно-временного континуума. Законы знаний о человеке, ноосфера, опираются, прежде всего, на мифологические образы прошлого. Миф – универсалия, сочетающая в себе принципиальные основы бытия, нравственные и социальные главным образом.

В данной статье мы обращаемся к понятию «мифомотив». Этот термин взят из исследований, прежде всего, А. Кофмана с целью синтезировать и систематизировать исследуемые нами материал. По его мнению, мифомотивы «...составляют мифологическую структуру литературного текста и, выявляя символическое наполнение мифомотивов, становится возможным представить совокупный авторский образ мира, создаваемый на фоне определённой культуры» [5, с. 156]. Таким образом, под мифомотивами следует понимать репетитивные ритуалы, используемые авторами в кавказских текстах, иначе говоря, синхрония одного и того же мотива в различных произведениях отсылает к понятию мифомотив. В литературных произведениях происходит модификация подобных мотивов, приобретаются различные смысловые признаки.

Составляющими элементами такой категории, как мифомотив, являются отдельные смысловые единицы мифообраза. «Поэтическое произведение представляет собой множественность отношений между элементами и отношений между отношениями» [6, с. 346]. Мифомотивы составляют семиотиче-

скую инфраструктуру произведения о Кавказе. Благодаря мифомотивам, авторы, в частности писатели-горцы, моделируют культурологическую линию, при помощи которой становится возможным провести анализ авторского литературного замысла.

Архетипы являются универсальной постоянной структурой художественной интерпретации и творческого процесса, на которой основываются две глобальные эстетические системы – фольклор и литература. Они же являются связующим звеном между ними. Сфера «жизни» архетипов, между тем, не только значительно шире, чем литература. Они реализуются (кроме снов) во всех сферах искусства, религии: «прообразы наблюдаются и в поэзии, и вообще в искусстве... религиозный опыт и догматика богаты архетипическими образами» [13, с. 133].

Аналитическое толкование позволило с новых аспектов подойти к осмыслению произведений мировой литературы. А.Н. Майкова отмечает универсальную функцию «архетипического ядра», которое репрезентируется «в образной системе, позволяет сблизить художественные произведения разных эпох, стилей, жанров, что может представлять интерес для построения более полной теории литературы, учитывающей многообразие подходов» [7, с. 5]. Пытаясь определить наиболее существенные признаки архетипов, А.Н. Майкова отмечает: «Архетипам свойственно связывать сознательные и бессознательные процессы, обладать огромной психической энергией и амбивалентностью, сочетать положительное и негативное (по-видимому, для личностного развития негативным является то, что тормозит или разрушает процесс индивидуации), проявляя себя в образной форме сновидений, творческой деятельности и безотчётных действий; архетипы связаны между собой и выстраиваются в некую иерархию, главное место в которой занимает самость» [7, с. 47].

Критериями архетипа могут служить его основополагающие свойства. Ю.В. Доманский, соглашаясь с В.А. Марковым, выделяет три особенности: всеобщность, универсальность и репродуцирующий характер [2, с. 9].

В другом случае для идентификации архетипического в образах, сюжетах и мотивах Ю.В. Доманский в качестве главного независимого критерия выдвигает повторяемость: «...Это – поиск прасхем, повторяемость которых и есть залог присутствия в них изначального архетипа» [2, с. 31].

Одним из первых современных исследователей своё осмысление архетипа в литературе предложил В.А. Марков: «Художественное мышление... формируется на той же архетипической основе и пронизано образами, производимыми от базисных бинарных символов, которыми задаётся "общая космологическая структура бытия"» [8, с. 139]. Автор даёт собственную интерпретацию понятию архетипов Юнга, определяя их как «первичные, исторически уловимые или неосознаваемые идеи, понятия, образы, символы, прототипы, конструкции (по Тынянову), матрицы и т.п., которые составляют своеобразный "нулевой цикл" и, одновременно, "арматуру" (термин Леви-Стросса) всего универсума человеческой культуры» [8, с. 133]. В.А. Марков усматривает неисчерпаемые возможности художественных реконструкций архетипов: «При анализе поэтических текстов архетипы нас подстерегают... на каждом шагу. И это не простые прецеденты, не окказиональные совпадения. Существует – на уровне коллективного бессознательного – вполне объективная историческая (логическая, художественная, праксеологическая), память, в которой хранятся золотые слитки человеческого опыта – нравственного, эстетического, социального». По мнению автора, художник «деблокирует первичный смысл образов, "вычерпывает" их, сколько может, и возвращает людям полузабытое и утраченное. Это уже не ренессансность, а реставрация, археология смыслообразов» [8, с. 141].

С этой точки зрения особый интерес вызывает, на наш взгляд, теория архетипов применительно к младописьменным литературам. Её особенность в отношении адыгской литературы, в частности, заключается в сочетании архетипического, мифологического восприятия и древней этикетной и эстетической основы. Говоря о специфике молодых литератур, В.В. Кожин писал, что, на первый взгляд, их появлению «предшествовало только более или менее развитое устное народное творчество... Каждая литература... исходит из вековых и тысячелетних культурных традиций, которые не находили очевидного для всех воплощения, но тем не менее жили и развивались в самом бытии людей, в их нравственном и эстетическом сознании» [4, с. 252].

По мнению Ю.М. Тхагазитова, в адыго-абхазских литературах ведущую роль, наряду с фольклором, играет этикет как универсальный регулятор всех сфер жизнедеятельности [10, с. 78]. На примере художественных произведений классика кабардинской литературы А.А. Шогенцукова исследователем впервые были обозначены основные литературные архетипы.

В диссертационной работе А.Ф. Аутлевой упоминаются «архетипы космоса и поведения черкесов: бог, свобода, законы бытия, этика» [5, с. 6]. Обозначены некоторые мифологемы, характерные для поэтики современного адыгского романа.

Обращение к мифологемам, символам, интертекстуальности в аспекте тюркской культурологической парадигмы характеризует фундаментальное исследование Ф.А. Урусбиевой «Метафизика колеса».

Однако системного изучения литературных архетипических образов и мотивов, генезиса, динамики и обусловленности их развития по материалам литератур Северного Кавказа не проводилось. Теория архетипов как часть аналитической психологии использовалась нами для решения промежуточных задач по выявлению архетипических мотивов в литературном дискурсе кавказских авторов.

Ю.В. Доманский предложил анализ архетипических мотивов на материале русской прозы XIX века. Автор убедительно демонстрирует функцию архетипов в мотивах, связанных с фундаментальными категориями мироздания: природой, пространством и человеком; раскрывает функционирование архетипического мотива как элемента портретной характеристики персонажа: «Мотив может быть рассмотрен с учётом архетипического значения. Сам термин "мотив" генетически восходит к музыке, где понимается, как мельчайшая часть мелодии... которая обладает смысловой цельностью и может быть узнана среди множества других аналогичных построений. Мотив представляет и определённую конструктивную единицу. Как правило, мотив заключает в себе одну сильную долю и поэтому часто равен одному такту» [2, с. 46].

Ю.В. Доманский определяет мотив в двух аспектах: «как мотив предметный, то есть устойчивый семантический элемент художественного текста, выраженный в слове, и как мотив архетипический» [62, с. 50]. Согласно исследованию, в целом ряде мотивов архетипическое значение актуализируется всегда, вне зависимости от ситуации. Автор выделяет следующие мотивы, которые можно распределить по тематическим группам:

- мотивы, связанные с описанием природы, стихий мироздания;
- мотивы, непосредственно соотносимые с циклом человеческой жизни, ключевыми моментами и категориями в жизни человека;
- мотивы, характеризующие место человека в пространстве.

Эти мотивы разделяются по тематической и функциональной типологии; в последнем случае она зависит от степени актуализации архетипического значения. Оно может реализовываться во всей своей относительной полноте. Может актуализироваться не всё архетипическое значение, а какие-либо его семы, при этом архетипическое значение, как правило, внутренне сложно и может включать в себя несколько сем.

«Архетипическое значение может не только сохраняться, но и трансформироваться (инверсироваться). Причём, такая инверсия может свидетельствовать о неординарности персонажа или означать отступление от универсальных ценностей» [2, с. 50].

Исследователь выделяет следующие типы функционирования архетипического значения в литературе: сохранение всего пучка сем архетипического значения мотива; доминирование каких-либо сем архетипического значения; инверсия архетипического значения как показатель неординарности персонажа; инверсия архетипического значения мотива как показатель отступления от универсальных нравственных ценностей; сочетание разных сем архетипического значения в оценках одного персонажа». На базе архетипических связей образуются так называемые мифологемы (трансформированные в мифе и ритуале архетипы) внешнего и внутреннего пространства, модели бинарных оппозиций, культура стихий, определённые фигуры и ситуации. Мифологемы принадлежат к «вторичным» языкам культуры, выполняют функции знаков – символов, заместителей целостных сюжетов и ситуаций. Заимствованный у мифа мотив, тема, или часть мотива воспроизводятся в более поздних фольклорных и литературных произведениях. Мифологемы – основная составляющая часть мифопоэтического мышления, которая реализуется в системе символов и других поэтических категориях.

При полной согласованности основной концепции Ю.В. Доманского остаётся неясным тезис, согласно которому в классификации Е.М. Мелетинского архетипические значения закреплены лишь за образами и сюжетами. Доманский наделяет архетипическими значениями ещё и мотивы. При этом Е.М. Мелетинским были выявлены архетипические значения, закреплённые, в том числе, за мотивами. В частности, Е.М. Мелетинский отмечает, что важнейшими мотивами «для мифа, и для сказки, и для рыцарского романа, являются мотивы активного противостояния героя неким представителям демонического мира» [9, с. 51]. В этой связи автор представляет развёрнутую схему архетипических мотивов: попадание во власть демонического существа; спасение от демонического существа; драконоборство; мотив «идентификации»; мотив трудной задачи; мотив «изведения»; женитьба на царевне; мотив звериной (тотемной) жены (мужа); мотив заколдования – расколдования; приобретение чудесного помощника; мотив инцеста; мотив социально обездоленного; мотив подмены; мотив «узнавания».

Список литературы

1. Аутлева Ф. А. Взаимосвязь фольклорно-эпического и литературного сознания в художественном осмыслении нравственно-философских проблем современного адыгейского романа : дис. канд. филол. наук: 10.01.02 / Ф. А. Аутлева. – Майкоп, 2003. – 163 с.
2. Доманский Ю.В. Архетипические мотивы в русской прозе XIX века : дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Доманский. – Тверь, 1998. – 184 с.
3. Дронов В. Пятигорское лето В. Брюсова / В. Дронов // Литература и Кавказ. – Ставрополь, 1972. – С. 158–177.
4. Кожинов В. В. Статьи о современной литературе / В. В. Кожинов. – М., 1990. – 542 с.
5. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира / А. Ф. Кофман. – М., 1997. – 318 с.
6. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М. : Росспэн, 2004.
7. Майкова А. Н. Интерпретация литературных произведений в свете теории архетипов К. Юнга / А. Н. Майкова. – М., 2000. – 168 с.

8. Марков В. А. Литература и миф: проблема архетипов (к постановке вопроса) / В. А. Марков // Тыняновский сборник. Четвёртые тыняновские чтения. – Рига, 1990. – С. 133–145.
9. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – М., 1994. – 133 с.
10. Тхагазитов Ю. М. Адыгский роман / Ю. М. Тхагазитов. – Нальчик, 1987. – 110 с.
11. Шульженко В. И. Кавказский феномен русской прозы (вторая половина XX века) : монография / В. И. Шульженко. – Пятигорск : ПятГФА, 2001. – 368 с.
12. Щукин В. Москва и «московский текст» русской культуры / В. Щукин // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 39. – С. 412.
13. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М., 1991. – 297 с.

References

1. Autleva F.A. Vzaimosvyaz folklorно-epicheskogo i literaturnogo soznaniya v hudozhestvennom osmyslenii npravstvenno-filosofskih problem sovremennogo adyigeyskogo romana. Maykop, 2003. 163 p.
2. Domanskiy Yu.V. Arhettiicheskie motivy v russkoy proze XIX veka. Tver, 1998. 184 p.
3. Dronov V. Pyatigorskoe leto V. Bryusova // Literatura i Kavkaz. Stavropol, 1972, pp. 158–177.
4. Kozhinov V. V. Stati o sovremennoy literature. M., 1990. 542 p.
5. Kofman A. F. Latinoamerikanskiy hudozhestvennyiy obraz mira. M., 1997. 318 p.
6. Kristeva Yu. Izbrannyye trudy: Razrushenie poetiki. M., Rosspen, 2004.
7. Maykova A. N. Interpretatsiya literaturnykh proizvedeniy v svete teorii arhetipov K. Yunga. M., 2000. 168 p.
8. Markov V. A. Literatura i mif: problema arhetipov (k postanovke voprosa) // Tyinyanovskiy sbornik. Chetvernnye tyinyanovskie chteniya. Riga, 1990, pp. 133–145.
9. Meletinskiy E. M. O literaturnykh arhetipah. M., 1994. 133 p.
10. Thagazitov Yu. M. Adyigskiy roman. Nalchik, 1987. 110 p.
11. Shulzhenko V. I. Kavkazskiy fenomen russkoy prozyi (vtoraya polovina XX veka): monografiya. Pyatigorsk, PyatGFA, 2001. 368 p.
12. Schukin V. Moskva i «moskovskiy tekst» russkoy kulturyi // Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, № 39, pp. 412.
13. Yung K. G. Arhetip i simvol. M., 1991. 297 p.